

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов

МОТИВАЦИЯ ТЕРРОРИСТА

Рассматриваются мотивы террористической деятельности через анализ психологических механизмов опредмечивания базовых потребностей состояний человека на этапах вовлечения в террористические организации и участия в них. Обсуждаются причины психологической привлекательности терроризма в контексте проблемы влияния современных технологий на динамику границ нормы и патологии.

Ключевые слова: психология терроризма, современные технологии, культура и патология, психология личности, мотивация, опредмечивание потребностей.

Терроризм является одной из наиболее острых проблем современного общества, ставящих под сомнение фундаментальные основы самого его существования. События последних десятилетий показали его тотальный, всепроницающий характер, практически изменивший современный мир. Если ранее террор был достаточно локальной проблемой, касавшейся либо географически, либо экономически ограниченных областей, социальных страт, этносов, то в настоящий момент ни один человек не может ощущать себя достаточно защищенным от действий вездесущих террористов. Вместо «конца истории» и перехода к благодному существованию в условиях разумного и либерального общества, предсказанного Ф. Фукуямой (2004), мир оказался в ситуации тотальных военных действий, разворачивающихся не на ограниченном поле боя, ведущегося по рыцарским правилам классической войны, а в ситуации, где вообще нет никаких правил, где ты или кто угодно другой могут оказаться жертвой в любой момент. Где нет никакой логики, нет постоянных противников и защитников, а опасность подстерегает в любом месте и нет никакого верного способа защиты. А ведь Ф. Фукуяма основывал свои положения на вполне разумной мысли, что демократическая идея и либеральная экономика безусловно доказали свое превосходство и, соответственно, люди, озаренные пониманием этой идеи, должны отказаться от неразумного поведе-

Работа поддержана грантом РГНФ 06-06-184а.

ния, которое собственно и составляло содержание «истории». «Конец истории» есть конец иррациональности.

Однако предсказанного конца истории не наступило, как не наступило и торжества Прусской монархии, казавшейся Гегелю столь же совершенной моделью общества, и потому же, почему не исчезла преступность, после того как большевики выкорчевали ее социальные корни. Всех этих событий не случилось потому, что человек оказался совсем не рациональным субъектом, подчиняющимся законам логической и экономической целесообразности, а странным существом, руководствующимся иррациональными страхами, завистью, желанием первенства, власти и прочими внеэкономическими категориями. Ошибка заключалась в том, что собственно человеческое, т.е. по определению *пристрастное и внерациональное* было проигнорировано, а человек был в очередной раз сведен к сумме общественных отношений.

Взамен обещанной идиллии появились симптомы нарастающего хаоса и конца истории уже совсем в другом смысле. Одним из ключевых феноменов этого конца и стал терроризм как феномен новейшей истории.

Его анализ осуществляется в различных исследовательских парадигмах и методами различных научных дисциплин, что вполне корректно, поскольку его вполне можно рассматривать как форму политической, экономической, военной, преступной и иной деятельности, направленной на достижение определенных целей в рамках удовлетворения потребностных состояний. Да, безусловно, существуют социальные, экономические, религиозные корни терроризма, но для нас важно обосновать выделение специфически психологической составляющей этой проблемы. Она содержится уже в самом определении цели: принципах выбора (как осуществляется целеполагание), уровне осознанности, степени совпадения декларируемой цели с реальной — и в понимании того, что на самом деле лежит за декларируемыми целями и каким потребностным состоянием она соответствует. За счет каких психологических механизмов она, говоря марксовым языком, «овладевает массами, превращаясь в материальную силу».

Коренные экономические и социальные причины терроризма проистекают из безысходности, бед и отчаяния, побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен.

Провоцирующими факторами являются: бедность, безработица, неграмотность, нехватка жилья, несовершенство системы образования и подготовки кадров, отсутствие жизненных перспектив, обострение социального неравенства, ослабление семейных и социальных связей, отчуждение, недостатки воспитания, негативные последствия миграции, разрушение культурной самобытности,

маргинализация населения, разрушение самоидентичности человека, становящиеся индивидуальными психологическими проблемами, а также распространение средствами массовой информации идей и взглядов, способствующих росту насилия, неравенства и нетерпимости.

Но для понимания психологических факторов, делающих террористическую деятельность индивидуальным выбором отдельного человека, необходимо понять, как социальный и экономический феномен превращается в единицу психологического исследования. Конечно, то, что бедность, безработица, невежество, низкий социально-экономический статус служат питательной средой для терроризма, — реально зафиксированный в многочисленных исследованиях факт (Horgan, 2005; Hudson, 2005; Milgram, 1963; Psychology..., 2004). Но, становясь террористом, человек (если мы будем говорить не о тонком слое лидеров) отнюдь не повышает уровень обеспеченности и образования населения, не решает проблему занятости. Сама бедность, если не иметь в виду ограничения возможностей удовлетворения самых базовых потребностей выживания, является скорее социально-экономическим, нежели психологическим фактором. Психологическим же она становится в той мере, в которой опосредствует (затрудняет или облегчает) реализацию иных актуализированных потребностей: например, самореализации, самоуважения, власти. При этом терроризм как психологическая технология дает возможность нахождения своеобразного «обходного» пути: бедность не отменяется, террорист не становится более образованным, но зато он обретает высшую власть над куда более богатыми, успешными или образованными людьми. Потребностные состояния удовлетворяются в особой — «смещенной», символической — форме. В этом смещении и расширении символизации содержится основной «соблазн» терроризма: возможность отмены «принципа реальности» (Бержере, 2001; De Mijolla, 2002) и удовлетворения потребностей за счет использования внешне более простых и не требующих длительных усилий путей.

Технологии терроризма, при всем их кажущемся отличии от «мирных» способов решения актуальных социально-психологических и индивидуально-психологических задач, стоящих перед личностью и социумом в целом, несут в себе все типичные для других современных технологий удовлетворения потребностей признаки: иллюзорную простоту, легкость, быстроту достижения результата, внятность действий и выгод.

Структура инициируемой таким образом деятельности и ее когнитивно-поведенческая концепция, как правило, просты до примитивности и не требуют более двух-трех последовательных шагов для решения проблемы какой бы то ни было сложности, равно как и каких бы то ни было (кроме взрывного дела) специальных ком-

петенций, умений, навыков и предварительной квалификации адепта. Предлагаемый тип удовлетворения потребностных состояний, несмотря на его разрушительность, следует квалифицировать не как деятельностный, а как иллюзорно-компенсаторный.

Вслед за А.Н. Леонтьевым (1959, 1975) мы используем термин «потребностные состояния», чтобы отметить специфику неопределенной потребности, характеризующейся отсутствием фиксированного способа удовлетворения и являющейся промежуточным звеном между собственно психическим феноменом и физиологическим функциональным состоянием.

Потребностное состояние индивида, субъективно воспринимаемое как ощущение дискомфорта, нужды, нехватки чего-то необходимого, желательного для нормального осуществления жизнедеятельности, включая ее высший, психический уровень, неизбежно опредмечивается, удовлетворяется с помощью тех или иных материальных или идеальных объектов доступного данному индивиду мира.

Объект, выступающий в качестве предмета потребности, принято называть мотивом деятельности. Мотив обладает побудительной и смыслообразующей функциями, единство которых обеспечивает необходимую активность, направленную на поиски способа удовлетворения потребности, и придает этой активности разумность и осмысленность, превращая ее в собственно человеческую деятельность.

Мотивы благодаря их предметной конкретности влияют на потребностные состояния, формируя их в соответствии со своими объективными качествами. То, каким способом удовлетворяется потребность с помощью данного мотива и насколько полно мотив удовлетворяет те или иные аспекты опредмеченной им потребности, неизбежно приводит к изменению самого потребностного состояния, что в свою очередь порождает необходимость новых опредмечиваний измененной потребности на новых мотивах. Любое потребностное состояние может быть удовлетворено множеством различных способов и опредмечено множеством весьма различных мотивов.

Повторим, что психологически терроризм — это, прежде всего, технология или комплекс технологий, позволяющих специфическим способом удовлетворить любое из присущих человеческому существу потребностных состояний. Это могут быть потребности самого разного уровня: от базовых — влечение к смерти, агрессия, физиологические потребности, потребность в безопасности, защите, в аффилиации, в новых и сильных впечатлениях, до самых высоких — потребность в общении, в самореализации, власти, любви, обретении смысла жизни или плана вечного спасения (сотериологические потребности).

Более того, технологически развитые террористические учения не только могут предоставить, но активно навязывают хорошо проработанные на разных уровнях методики и инструменты опред-

мечивания потребностных состояний, превращающие эти неопределенные состояния в сформированные жестко детерминированные потребности.

Именно эта способность эффективно удовлетворять разнообразные и разноуровневые потребности превращает технологии терроризма в универсальный способ исполнения всех желаний, обеспечивающий терроризму его субъективную привлекательность, являющуюся важнейшим направлением психологического анализа феномена терроризма.

Недостатком значительной части современных исследований психологии терроризма являются, на наш взгляд, приписывание чрезмерной важности отрицательным социально-экономическим и психологическим факторам и недоучет **позитивно мотивирующих** террористическую деятельность моментов. Рассмотрим, каким образом террористическая деятельность может опредмечивать потребностные состояния и сформированные (в том числе и ею самой) потребности, желания, влечения, установки.

Влечение к смерти и агрессия. Современная «гуманистическая» психология склонна игнорировать эти фундаментальные человеческие потребности. С точки зрения оптимистического представления о человеке, соответствующего традициям Просвещения, зло в человеке есть следствие влияния неблагоприятной окружающей среды. Поэтому оно может быть устранено за счет создания благоприятных условий развития, а в идеальном социуме вообще ликвидировано. Пессимистическое представление, свойственное психоаналитикам и этологам, основывается на том, что влечение к смерти и агрессия суть фундаментальные и принципиально неискоренимые человеческие свойства, связанные с эволюционно значимыми факторами. В соответствии с оптимистическим взглядом, панацеей является формирование толерантности, часто понимаемой как вариант лемовской «бетризации». С нашей точки зрения, более обоснованным является понимание толерантности не как подавления агрессивности, а как ее канализации в социально приемлемые формы. Терроризм — социально неприемлемая, но крайне не эффективная форма проявления базовой агрессивности, замаскированная разнообразными психологическими защитами (Бержере, 2001; De Mijolla, 2002). Проекция позволяет обнаруживать врага, приписывая ему собственные страхи, желания и планы, рационализация — оправдывать собственные влечения очевидной целесообразностью, в результате чего они становятся благородными и оправданными. Расщепление делит мир на манихейскую оппозицию безусловного блага и безусловного зла, превращает сложный, многозначный мир в систему бинарных оппозиций плохого/хорошего, сакрального/профанного, избранного/отверженного и, самое главное, своего/чужого.

Возможность удовлетворения подобных влечений делает терроризм особенно субъективно привлекательным для лиц с высоким уровнем базовой агрессии или при ограниченности условий для нормативной социализации. Но даже при возможности канализации агрессии в социально приемлемые формы (профессиональные военные, полицейские, охранники, спортсмены) несоциализированные варианты для части лиц остаются все равно более привлекательными, поскольку по определению не столь нормированы. Даже военный — это, в конце концов, государственный служащий, подчиняющийся жесткой субординации, а террорист может идентифицировать себя с благородным мстителем, чуждым всяким ограничениям дольнего мира. Конечно, в этом случае речь идет не о реальности, в которой рядовой террорист — разменная фигура в сложных и недоступных ему играх, а о его субъективных представлениях о своем месте и своей роли в разворачивающихся событиях.

Обсуждая психологическую функцию террористической деятельности, можно отметить, что даже на уровне удовлетворения наиболее архаических потребностей она является поливалентной, т.е. способной параллельно удовлетворять множество разноуровневых потребностей. В данном конкретном случае это не просто удовлетворение агрессивных влечений, но их дополнение идеями избранности, благородства и пр.

Потребность в аффилиации и общении. Участие в террористической организации обеспечивает надежное удовлетворение базовой для человека потребности в принадлежности, установлении эмоционального контакта. Выход за пределы собственной сингулярности в этом случае имеет своей целью не обретение безопасности, а ощущение нужности, чувство привязанности, любви. Способ, которым эта потребность удовлетворяется через участие в террористической организации, позволяет достигнуть ощущения включенности в группу себе подобных, принятия себя внутри референтной группы, обрести достаточно высокий статус внутри более широкого сообщества.

В подвергшемся глобализации мире общение обыкновенных, законопослушных, «стандартизированных» людей нагоняет на них скуку. Точнее, нормы и формы этого общения, а также субъективные переживания, сопровождающие их исполнение, подчиняются аксиоме Шопенгауэра (1992): жизнь среднего человека — постоянные колебания между нуждой и скукой. Даже с близкими людьми, включая собственных детей, средний человек общается с помощью набора немногочисленных фраз, которые экзистенциально вялы и не означают ничего жизненно важного: Как дела? Нормально. Ты сделал работу? Спасибо. До свидания, было приятно общаться с вами.

Но общение людей, жизнь которых постоянно висит на волоске, волшебным образом преображается. Даже мимолетные фразы, а то и междометия, словно озаренные светом ожидаемых опасений и триумфов, приобретают глубоко волнующий личностный смысл. Каждую реплику в совместных с товарищами действиях сопровождает описанное психоаналитиками «океаническое чувство». В век глобализации, в эпоху «одинаковых и одиноких» участие в тайной организации возвращает почти утраченное остальными качество роскоши человеческому общению.

Одним из следствий глобализации (обеспечивающим поразительную ярость и энергию антиглобалистских выступлений) является утрата эмоциональных связей в современном мире. В условиях промышленного производства, распада традиционной структуры семьи, устойчивой модели общества происходит и деградация форм общения (Маркузе, 2003; Московичи, 1996; Тоффлер, 2001; Фромм, 1990). Коммуникативный дефицит компенсируется развитием прессы, средств массовой информации, интернетом. Взамен структурированного общества, скрепленного сложной и эмоционально нагруженной сетью реальных взаимодействий, приходит облегченная, обезличенная «всемирная паутина» необременительных связей. Общество, организованное с помощью облегченной коммуникативной сети, страдает дефицитом идентичности, повышенной внушаемостью, вакуумом человеческих привязанностей, тем, что в 60-е гг. XX в. называлось некомуникабельностью (Тхостов, Сурнов, 2003). Отметим, кстати, что именно к этому периоду рефлексии «некоммуникабельности» общества и относится первый всплеск терроризма, охватившего вполне благополучную западную цивилизацию. Необходимость и эффективность устойчивых коммуникативных сообществ подтверждается многочисленными фактами лучшей адаптации психически больных людей в архаических и патерналистских сообществах. Этот парадоксальный факт неоднократно отмечался во многих эпидемиологических психиатрических исследованиях (Каплан, Сэдок, 1994). Парадокс заключается в том, что в этих сообществах уровень медицинской помощи значительно ниже, чем в развитых странах, но качество аффилиации, структурированности общественной системы и эмоциональной поддержки превышает эффект от применения психотропных препаратов.

Средство от некомуникабельности — создание «уплотненных» коммуникативных сетей. К ним относятся и террористические организации, члены которых связаны почти кровными архаическими отношениями. Это один из путей бегства от «невыносимой легкости бытия», преследующей современного человека. Наиболее уязвимыми в этом плане представляются сообщества, находящиеся на этапе изменения общественных формаций, когда суще-

ствовавшие ранее способы коммуникации распадаются, а новые еще не сформированы, и лица с неустойчивой самоидентичностью, пограничной личностной организацией, склонностью к созданию симбиотических отношений, вне которых они чувствуют постоянную тревогу.

Терроризм удовлетворяет и архаическое и инфантильное желание **всемогущества** (Бержере, 2001). Любая реальная деятельность, практически каждая индивидуальная судьба есть следствие многочисленных компромиссов с «принципом реальности». Террористическая деятельность в определенном смысле «надреальна». Вполне возможно, что в качестве идеологического обоснования артикулируются некие конкретные цели, но весь исторический опыт доказывает, что, добившись власти, террористы крайне редко их исполняют, чаще происходит трансформация борьбы с внешним врагом в расправу со своими бывшими соратниками, мешающими достижению всемогущества.

Вступление в организацию дает мгновенное переживание приятного чувства уполномоченности, осмысленности жизни и собственной значимости. Наслаждение, почти наркотический «кайф», сопровождающий радостное возбуждение от принятия новой роли и новой жизни. Из жителя маленькой, бедной деревни иной террорист превращается почти в гражданина мира, на которого обращено внимание всех средств массовой информации, делающих его медийной звездой. Даже если его имя не упоминается, он все равно может чувствовать себя тайным, но от этого не менее могущественным героем, имя которого рано или поздно войдет в историю. Одним из первых террористов, добившихся славы таким способом, был Герострат, память о котором, несмотря на все старания современного ему общества, пережило имя создателя сожженного им храма Артемиды. С. Довлатов (1993), обсуждая историю с покушением на Р. Рейгана некоего молодого человека, желавшего таким образом добиться внимания любимой девушки, замечает, что можно добиться славы многими путями: стать великим художником, поэтом, ученым, политиком, но все это довольно трудоемко, утомительно, а успех совсем не гарантирован. А можно просто купить в лавке пистолет и оказаться на обложках всех американских журналов и газет.

Особенность массмедийного сознания заключается и в том, что для него подлинным героем нашего времени является совсем не художник или ученый, чье значение понимают лишь избранные, а тот, про кого напишут в газетах и чья фотография окажется в таблоидах. И какую судьбу должен выбрать инфантильный, уязвленный человек, чувствующий себя маленьким неинтересным винтиком глобализированного мира? При нормальном развитии событий террорист мог бы стать пастухом или, в лучшем случае, поли-

цейским, а в момент, когда он захватывает в заложники женщин и детей, его путанные требования транслируются по мировой телевизионной сети и с ним говорит сам премьер-министр. Пусть все это ненадолго, но для инфантильного сознания этот миг славы стоит всей бесцветной жизни. Инфантильное сознание не обязательно связано с низким уровнем образования, это не ограниченность культуры, а невозможность принятия ее ограничений. В «красные бригады» входили вполне благополучные по любым меркам люди, и только прекращение тиражирования в средствах массовой информации их подвигов позволило несколько снизить привлекательность их демонической судьбы.

Это психологическое свойство террориста объясняет странный, с рациональной точки зрения, выбор жертв среди лиц, занимающих высшие государственные должности. Казалось бы, какое дело обывателю до погибшего министра Столыпина или императора Александра III, к которым он должен испытывать лишь классовую ненависть? Но, покушаясь на столь высокие в социальном отношении фигуры, террорист ставит под сомнение саму общественную иерархию, он оказывается вершителем судеб этих небожителей. А что тогда должен думать обыватель, если такие фигуры оказываются уязвимыми?

Потребность в безопасности. На первый взгляд, это утверждение звучит странно, ибо что может быть дальше от безопасности, чем полная опасностей жизнь террориста. Но здесь следует ввести различие реального и иллюзорного мира. Во-первых, террорист иллюзорно избавлен от сингулярности, ибо включен в некое полусакрализованное сообщество друзей-единомышленников, помощников, учителей, инструкторов, всемогущих и всеведущих руководителей, компенсирующих отсутствующую у него уверенность в себе. Полная реальных опасностей жизнь террориста защищена иллюзорным ощущением надежного контроля над любой ситуацией. Прекращение неустанных забот о личном финансовом и бытовом благополучии — еще одна из выгод жизни террориста. Обыкновенный законопослушный человек живет в психологическом пространстве, подчиняющемся правилу: чем больше имеешь, тем больше приходится охранять. Террорист не имеет ничего. Он не имеет даже самого себя, не принадлежит себе. Он целиком принадлежит организации. Организация решает все проблемы. Она всесильна как архаическое имаго (Бержере, 2001). Единственное, что требуется от человека, — это безусловная преданность, которая не может не быть вознаграждена. И поэтому ее воин беспечен. Почти как счастливые жители первичного океана.

Удовлетворение этой потребности именно таким способом особенно актуально для рядовых членов террористических организации. Но реальная, более или менее надежная, безопасность достигается

обычно лишь ее руководителями. Да и то не всегда. Но здесь, как и в иных сферах, террористическая деятельность, прежде всего, символична. Конечно, террорист вынужден прятаться от полиции, переживать бытовые неудобства, с риском для жизни создавая на кухне взрывное устройство. Но на семиотическом уровне он — трикстер, если не сам Бог. Поэтому с точки зрения магического мышления с ним ничего не может случиться, он «заговорен», а если даже и случится, то он как символический субъект будет жить вечно. Это еще одна из причин квазирелигиозного характера террористической деятельности, привлекающей лиц с нарциссическим личностным расстройством.

Потребность в новых и сильных впечатлениях. Терроризм — иллюзорно неупорядоченная, свободная от всякого рода банальных обязательств деятельность. Человек, погруженный в рутину обыденных отношений, раз и навсегда принятых социальных ролей, может приобрести шанс уникальной, заполненной самыми невероятными приключениями жизни. Обыденная и упорядоченная жизнь создает у человека ощущение коллапса собственного бытия: освоенный, учтенный, предсказанный мир стремится к субъективному исчезновению (Тхостов, 2002). Человек, оказывающийся в чрезмерно упорядоченном мире, испытывает непереносимое ощущение утраты собственного «Я». В этом смысле терроризм есть своеобразная виртуальная игра, придающая миру исчезающую плотность. Но в отличие от «русской рулетки», рискованного поведения, аутодеструктивной деятельности жертвами террориста становятся другие люди. Однако их судьба не очень важна, поскольку в этом случае речь идет о своеобразном варианте игровой деятельности с непредсказуемыми последствиями. Во вполне реальных террористических организациях очень много от конспираторской игры, ритуалов, обрядов инициации. Это родовое сходство терроризма с игровой деятельностью частично объясняет снижение чувствительности к страданиям потерпевших, приобретающее оттенок деперсонализации и дереализации (Каплан, Сэдок, 1994).

Часть результатов классических экспериментов С. Мильграма (Milgram, 1963) можно объяснить подобной же трансформацией агрессии в игровую деятельность, приобретение ею (и страданиями жертвы) условного характера. В условиях ролевой игры, анонимности, авторитетного разрешения испытуемые демонстрировали неадекватные уровень и формы проявления агрессии. Особое значение эта мотивация имеет для вовлечения в террор людей относительно благополучных, страдающих не от избыточной плотности окружающего их бытия, а именно от его легкости.

Вот один из ответов на вопрос, откуда же берутся исходно богатые, образованные и социально благополучные террористы. Отчасти это объясняется идентификационным вакуумом активных на

границы патологии личностей с ярко, опять на границе патологии, выраженными доминантными, лидерскими тенденциями. Отдельные представители этого типа могут обладать подлинной харизмой. Сам факт наличия среди террористов, особенно среди организаторов террора, образованных богачей доказывает, что так называемые коренные социально-экономические причины терроризма — это еще не все и, может быть, даже не главные корни этой чумы современных технологий — технологии уничтожения технологий.

Потребность в самореализации. Вступление в организацию дает мгновенное и мощное возрастание приятного чувства уполномоченности, осмысленности жизни и собственной значимости. Наслаждение, почти наркотический «кайф», сопровождающий радостное возбуждение от принятия новой роли и новой жизни. Оскорбленные и униженные превращаются в богоподобных. Их наполняет чувство великолепия и осмысленности жизни. Они воспринимают каждый последующий шаг вовлеченности в террор как своеобразный знак накопления богатства в твердой валюте. При этом гарантируется возможность не долгого и трудоемкого, а относительно быстрого приобретения необходимых для нового роскошного образа жизни навыков и умений. Создается субъективно достоверная иллюзия реализованности всех лучших качеств своего естества.

Жизнь обыкновенного человека в возможностях его самореализации ограничена множеством объективных обстоятельств: его способностями, условиями рождения и воспитания, семейного и социального окружения и, в конечном итоге, даже везением. Она требует от него длительных и трудоемких усилий без гарантированного вознаграждения. Фантазматическая самореализация террориста осуществляется вне связи с этими обременяющими обстоятельствами. Его самореализация быстра, субъективно достоверна, надежна, проста и понятна и возносит его на самый верх пантеона героев.

Потребность в символической самоидентификации (экзистенциальные потребности). Стандарты признаков нормальной социальной идентификации, назначаемые современной западной цивилизацией, не соответствуют глубинной потребности в самоидентификации, задаваемой природой человека, от архетипических символов до инстинктивных преднастроек. Не только философирующему интеллектуалу, но и пахарю и каменотесу необходимо соотношение и хотя бы бессознательное отождествление себя с чем-то более величественным и прекрасным, чем правильно оформленные в местном муниципалитете паспорт, водительские права и исправное состояние документов о разнообразных долговых обязательствах. Человеческому индивидууму недостаточно быть послушным исполнителем правил уличного движения и аккуратным

налогоплательщиком. Ему скучно в этих рамках идентификации. Он стремится быть больше, значительнее, богоподобнее.

Именно этой «хронической идентификационной недостаточностью» социальных норм западного общества отчасти объясняется, с нашей точки зрения, невиданный по размаху и весьма неожиданный для XXI в. успех разных мастей религиозного и политического фундаментализма. Еще чаще эти концепции предлагаются в причудливой смеси, скажем, терроризма с исламом. Не важно, что они примитивны. Не важно, что иррациональны и алогичны. Важно, что они заполняют вакуум. И дают, не важно, что неправильные, важно, что потребные субъекту ответы на все вопросы.

Даже у когнитивно простых и малообразованных людей, какими являются большинство рядовых членов террористических организаций, в той или иной степени развита потребность в осознании смысла своей жизни, в соотнесении ее с могущественными силами вселенской гармонии, противостоящими вселенскому хаосу. Оскорбленные и униженные в мечтах своих превращаются в богоподобных. Их наполняет чувство великолепия и осмысленности жизни. Красота террора открывается избранным как призрак сверхчеловека Фридриху Ницше. — «О, братья мои! Что мне теперь до богов!» (Ницше, 1990). Анализ глубинной мотивации террористов обнаруживает важность и большое значение ощущения принадлежности к тайной могущественной организации, способствующего успешному решению задачи самоидентификации при сохранении самого высокого уровня самооценки. Эта мотивационная линия, восходящая к удовлетворению потребности в аффилиации, имеет архетипический, почти инстинктивный базис и поэтому является очень глубокой и мощной. Смыслообразующая функция терроризма состоит и в том, что он придает жизни обыкновенного человека, испытывающего экзистенциальный вакуум, высшие цели.

Связь религиозного фундаментализма и терроризма демонстрирует еще один важный психологический феномен: субъективную непереносимость вакуума высшего смысла, характерную не только для рефлексирующего интеллигента. Не меньше нуждается в этом и обычный человек, чувствующий в условиях «смерти бога» (Рено, 2002) свое тотальное одиночество и телеологическую бессмысленность. Глядя на некоторых террористов, слушая их речи, менее всего можно предположить, что их страсть основана на подлинном религиозном чувстве, которому бы более пристала взвешенность и терпимость. Более всего религиозный фанатизм напоминает описанную психоаналитиками психологическую защиту через «реактивное образование», маскирующую убежденностью фундаментальную неуверенность (Бержере, 2001). Современное религиозное возрождение само по себе есть реакция на религиозное освобождение.

«Смерть бога» только на первый взгляд освобождает человека от гнета моральных обязательств. Внутри себя она содержит источник универсального страха окончательной сепарации. Идея бога помогла смягчить этот страх, поскольку всегда оставался образ универсального идеализированного отца, пусть строгого, но справедливого, и милосердной богоматери-заступницы. Конечно, это сопряжено с некоторыми опасностями, например с гипотетической возможностью «страшного суда». Но этот суд давал гарантию хотя бы загробной справедливости и конечной защищенности. В его отсутствие человек вообще лишен каких-либо гарантий. Он свободен, но тотально одинок. Поиск отсутствующего морального авторитета помогает смягчить это чувство, которое может быть настолько непереносимым, что любой обретенный авторитет должен быть сверхидеализирован. При этом чем уже у человека возможности самостоятельной компенсации страха одиночества, тем более фиксированной будет его привязанность к обретенному идеалу, как дающему ему высший смысл, так и оправдывающему его низменные потребности, например агрессию, превращающуюся в форму служения этой идее.

М. Элиаде полагал, что страх современного западного интеллигента обусловлен его глубокой неудовлетворенностью устаревшими формами исторически сложившегося христианства и страстным желанием избавиться от веры своих предков, сопровождающимся необъяснимым чувством вины. «Как если бы сам убил Бога, в которого не мог верить, но отсутствия которого не мог вынести... Успех определенных идей или идеологий показывает духовное и экзистенциальное состояние тех, для кого эти идеи или идеологии образуют, в некотором роде, сотериологическую систему (теорию спасения)» (Элиаде, 2002, с. 17).

Это превращает идеологию терроризм в вариант псевдорелигии или делает его составной частью уже существующего религиозного учения. Тогда террористическая деятельность превращается в осмысленную сотериологическую активность, дающую человеку право на спасение и наполняющую его жизнь высшим смыслом. Смерть тела для шахида — это всего лишь окончание не самой большой и не самой важной части его жизни. Это начало более высокого, осмысленного и ценного бытия.

* * *

Как исследователи, так и члены террористических организаций редко артикулируют, т.е. словесно формулируют и рефлексиируют ответы на вопросы о соблазнительности, привлекательности и ожидании личных выгод, которые ассоциируются у них с принятием решения о вступлении в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов обнаруживает, что в основе принятия личного решения зачастую лежит возможность быстрого и относи-

тельно нетрудоемкого удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей.

Таким образом, хотя предпосылкой современного терроризма в первую очередь служат кризисные экономические и социальные явления, терроризм опирается и на глубинные свойства человеческой природы.

Ценностной и идейной основой терроризма являются внутренняя убежденность в служении абсолютной, высшей, единственной истине и, как следствие, вытекающий из нее фанатизм и готовность утверждать ее любыми средствами.

Терроризм является мультидисциплинарной, в том числе и психологической, проблемой, поскольку вовлечение в террористическую деятельность основывается на использовании и манипулировании хронически неудовлетворенными потребностями существенной части населения, и в этом качестве он должен быть соответствующим образом исследован.

Актуальность задачи психологического изучения процесса вовлечения людей в террористическую деятельность состоит в разработке фундаментальной концептуальной базы, опираясь на которую исследователи получили бы возможность эффективно соотносить и координировать весьма многочисленные и разноречивые типы анализа и подходы к проблеме, создавая все более совершенную теорию вопроса. А в практическом плане — предложить способы научной идентификации значимых моментов изучаемого процесса, что существенно способствовало бы совершенствованию всей системы контртеррористических и антитеррористических усилий мирового сообщества.

Методологически корректный путь поиска ответа на вопрос, почему люди могут желать быть вовлеченными в террористическую деятельность, предполагает психологический анализ того, что они делают (или что им разрешают делать) в качестве террористов и как они приобретают и сохраняют мотивационную вовлеченность в специфических террористических мероприятиях и действиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология. М., 2001.
Довлатов С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1993.
Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. М., 1994.
Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959.
Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
Московичи С. Век толп. М., 1996.
Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 1990.
Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб., 2002.
Тоффлер О. Одноразовая культура. М., 2001.
Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.